Она просто варила кофе.

Он — наблюдал.

А потом захотел больше...

СИНДРОМ *владельца*

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

ksseaal ksseaal

Синдром владельца

https://litres.ru/74659292
SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса: Моя жизнь — это запах кофейной гари, вечно ломающийся замок в студии и копейки до зарплаты. Я просто бариста. А потом появился Ян Корнеев — миллиардер из списка Forbes. Он не пытается познакомиться. Он купил мою жизнь: здание кофейни, мой долг перед банком и тишину вокруг меня. Он следит за каждым моим шагом через камеры «умного города». Он — мой кошмар и единственный человек, который знает, какой температуры чай я люблю, когда мне страшно. Он не просит моего сердца. Он просто забирает его, потому что считает своим по праву владения.

Ян: Я просто купил долю в её кофейне как пассивный актив. Но потом я увидел, как она вытирает стойку, напевая фальшивым голосом, и мой мир из графиков и акций дал сбой. Она — единственная ошибка в моем идеальном алгоритме. Я купил квартиру напротив её окон и взломал её телефон. Я уничтожу любого, кто посмеет на неё посмотреть, потому что она — мой самый важный актив. И я не выношу убытков.

Содержание

Глава 1. 8:15 4
Конец ознакомительного фрагмента. 12

ksseaal
Синдром владельца

Глава 1. 8:15

Запах жжёного сахара въелся в мою кожу, волосы и, кажется, даже в саму душу. Он преследовал меня по утрам, когда я только открывала глаза в своей студии, и провожал до постели, когда я валилась без сил, не в силах даже почистить зубы. Это была густая, сладкая вонь дешевой карамели, пережжённого эспрессо и хлорки от ведра в подсобке. Мой личный сорт «Шанель».

Я провела жесткой губкой по стальному боку кофемашины, сдирая засохшие молочные круги. Рука ныла. Суставы пальцев, привыкшие к мелкой моторике, уже начали предательски хрустеть к концу смены. «Ласточка» — так называлась эта кофейня на задворках Павелецкого вокзала — была местом, где время застывало в густом сиропе безнадёги. Сюда не заходили за спешелти-кофе или вай-фаем. Сюда забегали транзитные пассажиры, которым нужно залить в себя литр горечи, чтобы не уснуть в поезде, и местные охранники, которым просто нужно было теплое место.

— Лиса, вода в бойлере на нуле! — крикнул Макс из-за стойки. — Сейчас всё встанет.

Макс. Мой единственный коллега, спаситель и по совместительству главный источник шума в моей жизни. Он был похож на очень жизнерадостного, слегка помятого сенбернара. Вечно взъерошенный, пахнущий табаком и оптимизмом, который, казалось, ничем невозможно убить.

— Сейчас солью! — отозвалась я, откручивая тугой вентиль. Горячая вода с шипением ударила в сток. Я смотрела, как пар оседает на моих очках, размывая мир. Без них я была почти слепа, маленькая, сутулая фигурка в застиранной толстовке. В них — просто уставшая девушка с синяками под глазами, которым позавидовал бы любой готовящийся к сессии студент.

На часах над входом было 08:12. У нас было три минуты тишины. Священное время перед тем, как первая волна пригородных электричек выплюнет на промерзший асфальт Москвы сотни злых, невыспавшихся людей. Я закончила с машиной и начала протирать витрину с десертами. Круассаны, которые мы покупали замороженными и допекали на месте, выглядели так, словно их уже кто-то жевал. Эклеры покрылись испариной. Единственной живой вещью здесь был фикус в углу, который Макс притащил с помойки неделю назад. Он назывался «Федор» и, кажется, уже умирал от тоски.

Дзинь. Звякнул колокольчик над дверью.

Я машинально нацепила самую профессиональную из своих уставших улыбок и повернулась. Это был он. Он не вошёл. Он просто *возник* в проеме, словно кто-то вырезал силу-

эт в утреннем смоге. Высокий. Даже под распахнутым тяжелым кашемировым пальто было видно, какая у него идеальная, какая-то пугающая осанка. Плечи не просто прямые — они казались вытесанными из камня. Темные волосы, идеально уложенные, но без грамма геля, и руки.

Боже, у него были руки пианиста. Длинные пальцы, ухоженные ногти, никаких мозолей. Эти руки не знали физического труда. Они знали только власть.Но больше всего пугало его лицо. Вернее, то, что он с ним делал. Он носил черную тканевую маску, закрывающую нос и рот — такие носили в разгар пандемии, но сейчас, в октябре, это выглядело странно и театрально. Оставались только глаза. Серые. Стальные. Абсолютно неподвижные. И взгляд. Он не моргал. Он просто смотрел сквозь стекло витрины прямо на меня.

Ян Корнеев.

Я не знала его имени еще месяц назад. Для меня он был просто «Гость 4» в моем внутреннем гроссбухе. Тот, кто приходит каждый день в 08:15. Тот, кто садится за угловой столик в тени. Тот, кто никогда ничего не заказывает.В первый день я, следуя инструкции, подошла к нему.

— Доброе утро, что будете... — Стакан, — перебил он. Голос был тихим, с легкой, почти неуловимой хрипотцой. Как наждачная бумага по стеклу. — Пустой. Средний. Я тогда опешила.

— Простите? — Стакан. Пустой. Средний. Яблочный сок принесете отдельно. В закрытой бутылке. Я принесла. Он

взял стакан, не поблагодарив, прошел к своему столику. Вылил в него сок, хотя стакан стоял пустым, и просто сидел. Смотрел. Три часа. Пока не закончилась моя смена.

С тех пор ничего не изменилось. Кроме одного. Сегодня он пришел без яблочного сока. Только маска. Только глаза. И черная перчатка на правой руке, сжимающая телефон, который, я готова была поклясться, стоил больше, чем моя студия, мебель и «Федор» вместе взятые.

— Американо? Латте? — пискнула я, чувствуя, как улыбка сползает с лица. Он не ответил. Он просто поднял руку и протянул мне через стойку пустой бумажный стаканчик. Тот самый, который мы использовали навынос.

Моё сердце пропустило удар. Это было впервые. За месяц. Он впервые нарушил свой ритуал. Он подошел к стойке. Макс, стоявший за кассой, нервно сглотнул. Даже он, непробиваемый Макс, чувствовал исходящую от этого мужчины ауру абсолютного, ледяного холода.

— Сделай, — коротко бросил Ян, кивая на стакан. Я взяла его дрожащими пальцами. Бумага была ледяной. Как и он сам. — На чем делать эспрессо? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — У нас есть Бразилия, есть Эфиопия...

Он наклонил голову чуть вбок. Это было первое движение за всё время. Птица. Хищная, очень умная птица. — Без разницы, — сказал он. — Просто пена. Просто пена.

Я работала бариста три года. Я знала всё о колд-брю, во-

ронках, турках и кемексе. Я могла отличить кислинку цитруса от цветочных нот. Но «просто пена» от человека, чей взгляд замораживал воду, звучало как приговор.

Я включила пар. Свист пара всегда меня успокаивал. Это был звук работы. Звук того, что я хоть что-то умею делать хорошо. Я взбила молоко в питчере до идеальной микропены, глянцевитой и плотной. Сняла питчер, пару раз стукнула им о стол, чтобы выбить лишние пузыри.

Ян всё это время не шевелился. Он смотрел на мои руки. Я чувствовала его взгляд физически, словно он касался моей кожи ледяным скальпелем. Я начала лить. Сначала база — немного самого простого эспрессо, чтобы было за что зацепиться. Потом — белая лавина молока. Я вывела спираль. Фибоначчи. Идеальную, математически выверенную спираль, которую он всегда разглядывал. Это была моя маленькая месть.

Мой способ сказать: «Смотри, я тоже знаю, что такое идеальная геометрия». Я закончила. Поставила стакан на салфетку. Плавный переход от коричневого к белому, идеальная точка в центре.

— Пожалуйста, — сказала я, пододвигая его.Он не взял стакан. Он продолжал смотреть на меня. Его глаза изменились. В них появилось что-то... оценивающее. Как у коллекционера, который смотрит на редкий экземпляр жука.

— Ты похудела, — сказал он вдруг. У меня оборвалось всё внутри. Воздух застрял в легких. Что?

— Что? — выдавила я. — Ты похудела, — повторил он тем же ровным, лишенным эмоций тоном. — И круги под глазами стали темнее. Ты спишь по четыре часа?

Откуда он знает? Я никому не говорила. Я взвешивалась только на старых весах в спортзале через дорогу, и то раз в неделю. Откуда он...Я посмотрела на его руки. На телефон. Он не просто сидел в нем. Он *работал*. Мои ладони мгновенно вспотели.

— Это не ваше дело, — прошипела я, чувствуя, как к щекам приливает краска стыда и злости.Ян медленно, очень медленно моргнул. Раз. Второй.

— Моё, — сказал он. И взял стакан. Он не пил. Он просто держал его в руке, грея пальцы о картон. Его черная перчатка контрастировала с белым стаканом так резко, что это выглядело почти пошло.

— Дверь, — сказал он, кивнув в сторону входа. — Она скрипит. Это нарушает акустику. Макс за кассой замер с открытым ртом. Акустику? В этой конуре, пропахшей плесенью и отчаянием?

— Мы вызовем мастера, — пролепетала я. — Не нужно. — Он сделал наконец глоток. Не пенки. Он пил прямо через край, как воду. — Я уже вызвал. Придут сегодня в два.

Он допил. Поставил пустой стакан на стойку. Развернулся. И пошел к выходу. — Эй! — крикнула я ему в спину, сама не понимая, что за смелость на меня нашла. — А платить?Он остановился в дверях. Обернулся. Маска скрывала

нижнюю часть лица, но глаза... в его глазах плеснуло что-то похожее на насмешку. — Уже, — сказал он.И вышел.Я стояла, сжимая в руке пустую салфетку, и смотрела на закрытую дверь.

Макс подошел ко мне. — Лиса, ты белая, как мел. Этот чувак... он кто? ФСБ? Мафия? — Он псих, — прошептала я. — Макс, он знает, сколько я сплю. — Может, у него камеры в зале? — предположил Макс, оглядываясь на люстру. — Хотя... он же в маске. И голос... Лиса, у меня от его голоса яйца сжимаются.

Я не слушала. Я смотрела на терминал оплаты. Он был пуст. Никакого чека. Я метнулась к монитору кассы, открыла историю транзакций за утро. Пусто. Я проверила банковское приложение на своем старом, вечно глючащем смартфоне. Пусто. Я заглянула в ящик с наличностью. Там, поверх мятых сотен, лежала одна бумажка в пять тысяч рублей. Свежая, хрустящая, идеально ровная. Я подняла её. На лбу президента, прямо над бровью, была нарисована маленькая, идеальная спираль. Та самая. Фибоначчи.

Меня затрясло. Это была не оплата. Это была подачка. Или взятка. Или... я не знала, что это. Но это было хуже, чем если бы он просто швырнул в меня мелочью.

— Я увольняюсь, — сказала я Максу. Голос был чужим, тонким. — Прямо сейчас. — Да ладно тебе, Лис, — Макс попытался улыбнуться, но вышло криво. — Он просто странный богатей. Брось. Деньги-то хорошие.

— Он знает, Макс, — я посмотрела на него, и, кажется, в моих глазах был настоящий ужас. — Он знает про меня всё. Он знает, что я вчера плакала в подсобке, потому что у меня украли наушники. Камер в подсобке нет. Откуда он знает?

Макс открыл рот, чтобы что-то ответить, но в этот момент над дверью снова звякнул колокольчик. Вошел первый утренний клиент — грузный мужик в форме охранника, пахнущий перегаром и дешевым одеколоном. — Американо. Два сахара. И побыстрее, — буркнул он, тяжело падая на стул у окна.

Я механически повернулась к кофемашине. Руки делали работу сами. Молоть. Темперовать. Лить. Мыть. Всё это было таким... нормальным. Таким человеческим. Но теперь я знала. Пока я тут спасала «Федора» от засухи и считала копейки на проезд, кто-то другой считал *меня*. В двоичном коде. В алгоритмах. В графиках моей бессонницы.

И этот кто-то только что купил право на скрип моей двери. Я поставила охраннику стакан. Он бросил на стойку сотню и вышел, даже не поблагодарив. Я взяла эти деньги. Посмотрела на них. И впервые за три года работы в «Ласточке» мне захотелось не просто уволиться. Мне захотелось исчезнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.